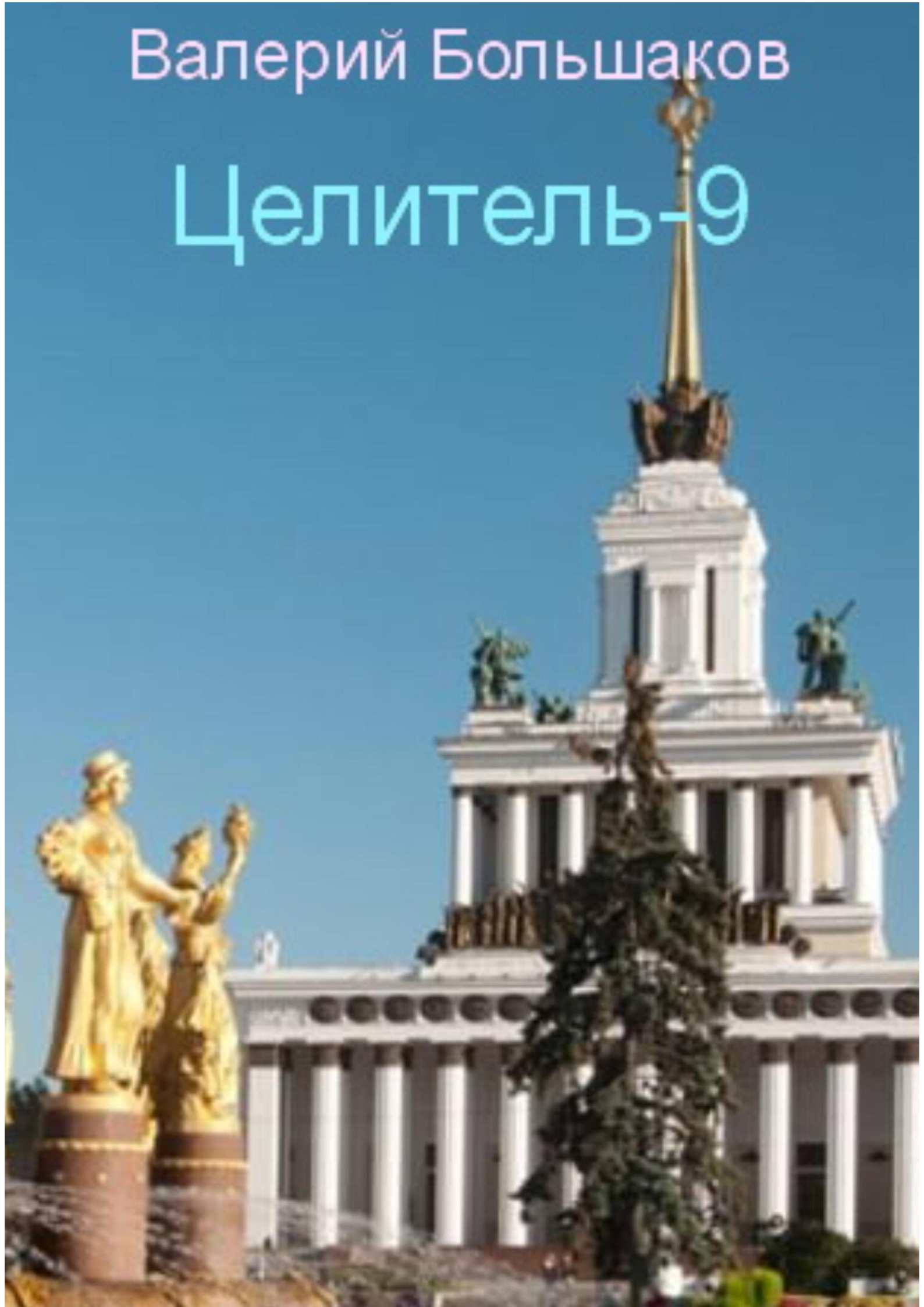

Валерий Большаков

Целитель-9

Валерий Большаков

Целитель-9

«Автор»

2023

Большаков В. П.

Целитель-9 / В. П. Большаков — «Автор», 2023

Мише Гарину везет. Вроде бы, СССР вывернул на светлый путь, наши перестали подкармливать всяких "борцунов", ведут весьма активную внешнюю политику, но с чувством и с толком. Да и сам Миша находит себя, свое предназначение - он делает настоящее открытие! И вот тут начинаются неприятности. Разыгрываются не слабые шпионские страсти. Советский Союз гнобят санкциями и провокациями. Кто не дает спокойно жить Мише и его стране? Надо разобраться. И воздать!

© Большаков В. П., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Валерий Большаков

Целитель-9

Глава 1

Пролог

Четверг, 11 января 1979 года. День

Москва, Ленинские горы

За огромным окном аудитории падал снег. Белые хлопья слетали с небес отвесно и плавно, как пух, покрывая грешную землю. Снегопад глушил веселые голоса студентов, затирал отдаленные шумы – и смыкался с гулкой тишиной аудитории.

Я неслышно вздохнул, словно боясь смахнуть колдовское безмолвие. В такие минуты разум отдыхает, выпуская на волю необузданные фантазии, причудливо искажающие реал, и ты поддаешься очарованию сказки.

Даже суровые мужи, окостеневшие циники, нет-нет, да и покосятся на высверки новогодней елки – а не домовой ли манит в темный угол, за блеск шаров и хвойную колючесть? Гирлянда ли мерцает ломким светом или зовущий огонек фонарика? И не на своды ли кроличьей норы падает его трепетный отблеск?

С сожалением я отшагнул, и легкий скрип паркета развеял тень чудес.

«Подлинная жизнь куда интересней воображаемой!» – мне почти удалось себя убедить, и ладонь скомкала влажную тряпку.

Мокрые полосы грубо стирали череду доказательств, выписанных на доске, замещая меловую белизну уравнений черной пустотой незнания.

«Не фиг тут поэтизировать, – усмехнулся я, щепотно отряхивая пальцы. – Тянет к высокому штилю? Лопату в руки – и марш снег расчищать!»

А вообще-то, нравится мне бывать на Физфаке именно в обеденный перерыв, в нестойкое отишие между парами.

«Еще бы тебе не нравилось! – фыркнул я, борясь с романтическим настроем. – Сам-то, небось, в полдвенадцатого налопался. Теперь можно и в вышних сферах парить!»

Громыхнула высокая дверь, пропуская Иваненко. Дмитрий Дмитриевич был с утра свеж и рассеян. Впрочем, как и всегда. Мозги у выдающихся особей рода человеческого не простаивают.

– Дим Димыч, здрасте! – поклонился я светским манером.

– О, Миша! – оживился профессор. – Как диссертация?

– Строчу, – мельком улыбнулся я. – М-м... Вы обедали хоть?

– Сыт, сыт! – нетерпеливо отмахнулся Иваненко. Сложив стопку журналов на столе, он жаждающе потер руки. – Ну-с, что интересенького надумали?

– Тахионный излучатель, – ляпнул я. – Или ускоритель, можно и так... Теорию, хоть и шаткую, подвел. Принципиальная схема ясна.

Лицо у Дим Димыча не вытянулось, как обычно пишут в романах, но умные глаза наполнились разочарованием.

– Миша, вы серьезно? – затянул научрук, выдавая нетерпеливую досаду. – А вам известно, что данный излучатель невозможен?

– Да, мне говорили, – спокойно ответил я. – У тахионов-де мнимая масса, их скорость всегда выше световой...

– Вы отлично выучили предмет, – перебил меня Иваненко, сдобрив голос желчью, – однако не усвоили главного: тахион нарушает принцип причинности! Перечитайте Терлецкого или Фейнберга. Не может следствие являться раньше причины, а у тахиона это сплошь и рядом!

– У отдельного кванта – возможно, – отпасовал я, переходя на лекторский тон. – Но вот тахионное поле... по крайней мере, в варианте моей модели, в принципе не способно нарушить причинность! Ко всему прочему, нет достаточных оснований утверждать, будто тахионное поле не может взаимодействовать с обычными – магнитным или электрическим...

– Мальчишка! – воскликнул Дим Димыч с негодованием, и ринулся в матбой...

...К концу обеденного перерыва чисто вымытая доска переполнилась массивами уравнений, а Иваненко всё чаще смолкал, оглядывая закорючки формул, раз за разом отслеживая путь моей мысли. Он изнемогал, доискиваясь слабины или неточности, но я был спокоен, как идол на кургане.

Хотя вру – всё клокотало во мне, а мозг одновременно стыл в ужасе и плавился от восторга, познавая истинное упоенье.

Я с осени забросил кандидатскую, с головой погрузившись в невообразимый мир тахионов. Эти затейливые частицы за световым барьером противоречили рассудку и здравому смыслу – они теряли скорость, поглощая энергию, а их время могло потечь вспять...

Подумаешь, «диссер»! Не велика честь стяжать чужие открытия, выдав их за свои. А тут...

Не помню даже, как вообще вышел на идею ускорителя тахионов. Долго отбрыкивался, отмахивался – уж слишком дерзко всё выглядело. А самое главное, я просто не верил, что способен додуматься сам, выносить что-то свое, не заёмное.

Но постепенно до меня доходило, что смог-таки.

Долго я продирался сквозь математические дебри, пока не вышел на опушку, где меня ждала награда – открытие. Моё!

– Поздравляю, Миша... – дрогнувший голос Иваненко вернул меня в аудиторию. – По моему, вы даже не представляете, до чего докопались... – Из-за приоткрытой двери выглянул студент, и Дим Димыч резко скомандовал: – Сотрите всё! Это нельзя показывать, вы хоть понимаете?

– Тахионы способны переносить из будущего в прошлое информацию... – неуверенно пробормотал я.

– Как минимум, Миша, как минимум! Да это пострашней атомной бомбы! – посопев, научрук успокоился, а затем хмурое лицо ученого осветилось улыбкой – будто солнышко блеснуло из-за туч. – Вы, Миша, обрекли себя на трудную, но оч-чень интересную жизнь. Яркую, насыщенную, настоящую! Вы станете невыездным, будете вкалывать в сверхсекретном «ящике», и... вам никогда не вручат Нобелевскую премию.

– А я и на Ленинскую согласен! – мою наглую аспирантскую морду перетянуло ухмылкой.

*Пятница, 18 мая 1979 года. День
Вашингтон, Пенсильвания-авеню*

Джек Даунинг отличался умом и сообразительностью, поэтому в своем назначении на пост директора ЦРУ видел лишь игру случая. Ну, и везение, куда ж без него.

Пусть наивные люди думают, будто их таланты обязательно оценят наверху, и по заслугам будет дано им. О, нет!

«Хлебные» должности тасуются, словно карты в колоде. Республиканцы грызутся с демократами, блефуют, жульничают, а когда сторгуются, ходят козырным валетом.

Даунинг скупно улыбнулся, покачиваясь в мяготи кожаного кресла. Ему больше нравится сравнение с шахматами – пешку Джека вывели в ферзи...

Лимузин одолел мост через Потомак, и вписался в поворот.

«А цветет-то как...» – глянул разведчик в окно.

Азалии всех оттенков распустились за оградами особняков и вдоль авеню, буйствовали в парках и скверах – словно бураном намело пестрые сугробы. Директор ЦРУ приспустил толстое стекло и повел носом. Благообразие воздуха...

Плавное сбрасывание скорости, громадный «Линкольн» подкатил к крыльцу Белого дома, и замер.

«Приехали...»

Джек вздохнул, привычно напрягаясь – срочные вызовы к президенту редко ограничивались выволочкой... А капризы не угадаешь.

Громилы из Секретной службы сдержанно поклонились цэрэушнику, и проводили в Желтый овальный зал, обставленный малиновой мебелью в стиле Людовика... А под каким номером, Даунинг запомнил.

«Сюда меня еще не заносило...», – мелькнуло у него.

Первый Джентльмен уже ждал предводителя рыцарей плаща и кинжала. Набычась, Форд стоял у окна, и то ли глядел на Южную лужайку, то ли погрузился в невеселые президентские думы.

– Здравствуйте, Джек, – глухо молвил он через плечо.

– Здравствуйте, сэр, – Даунинг почтительно поклонился сутулой спине, ладно обтянутой синим блейзером.

Каким бы мастером тайных дел он ни числил себя, но именно знакомство с Джеральдом Фордом дало ускорение его карьере. А что дальше, после стремительного взлета? Посадка год спустя?

Белый дом, скорей всего, займет бойкий Ронни Рейган. Вопрос: оставит ли новый президент прежнего директора в Лэнгли? Ответ отрицательный...

– Я ознакомился с вашим докладом, – Первый Джентльмен неуклюже развернулся, и глянул из-под тяжелых век. – О новом сверхсекретном центре под Москвой. Правда, я в физике не разбираюсь, и путаю тахионы с наполеонами, хе-хе... Но меня очень просили выяснить всё, что можно и нельзя, – он усмехнулся, перехватив зоркий взгляд гостя. – Нет, не «старые деньги», Джек. Все эти Рокфеллеры с Ротшильдами всего лишь ловкие посредники, мальчишки на побегушках у тех, кто рулит «свободным миром». М-да... – недобрая усмешка скривила его губы. – Стоило устраиваться в Овальном кабинете, чтобы понять – ты всего лишь ничтожная марионетка!

– И кто же эти «кукловоды», сэр? – опасливо спросил директор ЦРУ.

– Неизвестно, – сухо ответил президент. – Покойный Барух называл их «координаторами». Причем, знаете, таким боязливым шепотком... – он внимательно посмотрел на своего визави. – Даже не думайте, Джек! Скажите лучше, что удалось выяснить по... этому... тахионному центру. Подробности есть? Имена?

– Всё наглухо засекречено, сэр, – зажурчал Даунинг. – У центра нет даже названия, просто «Объект «В». Адрес – «почтовый ящик № 1410». Объект «В» выстроен километров за сто от Москвы. Внешне похож на квадратный форт из железобетона, а вокруг – запретная зона, окруженная двумя рядами столбов с колючей проволокой...

– А крепостной ров там есть? – усмехнулся Форд.

– Нет, – серьезно ответил цэрэушник. – «Заплетка» похожа на пустырь – ни ямки, ни кустика, а траву охранники регулярно скашивают. К центру подведена мощная линия элек-

тропедар, проложена дорога... Кстати, она проходит мимо дачного поселка и села Нижние Дубки. Так что места тамошние не безлюдны.

– Всё? – задрал брови президент.

– Почти, – хладнокровно сказал Даунинг. – Директором центра назначен Дмитрий Дмитриевич Иваненко, известный физик. Вот теперь всё.

– Ищите, Джек, ищите... – проворчал Форд. – Будите своих «спящих» агентов, засылайте Джеймсов Бондов... хоть наизнанку вывернетесь, но вскройте этот «ящик»! – посопев, он негромко добавил: – Далеко не каждый президент удостоивается внимания «координаторов», так что для меня звонок *оттуда* – почет и милость. А вот для вас, Джек... Исполните их просьбу... ну, пусть даже приказ! – и задержитесь на своем посту, пока самому не надоест! Или займете иное место, еще выше в нашей пищевой цепочке. Понимаете меня?

– Да, сэр, – склонил голову Даунинг. – Будет исполнено, сэр...

Глава 2

Глава 2.

*Суббота, 3 ноября 1979 года. Вечер
Москва, улица Строителей*

«Жигули» подкатили к самому подъезду, и Надя Темина, ловко орудуя рычажком вариатора, воскликнула:

– Приехали, шеф! Завтра машину подавать?

Иногда ее веселый напор пугал меня – слишком много жизнелюбия пряталось в хорошеньком мэ-нэ-эсе.¹ Недаром Ритка, когда на нее находила ревность, растолковывала сокращение по-своему: «молоденький няшный сотрудник».

– Отсыпайся, – буркнул я, отстегивая ремень.

– А поцеловать? – голубенькие глазки расплескивали потрясающую невинность и комсомольский задор.

– Отшлепать бы тебя... – мой тон сместился в брюзжащий спектр.

– Да я только за! – Надя изобразила пылкую готовность, и деловито добавила: – Юбку задирать? А то как-то... не звонко выйдет.

– Ну вот что ты за человек? – вздохнул я, откидываясь на спинку.

– Хороший! – убежденно сказала Темина.

– Да кто бы сомневался... Если я тебя поцелую, Рита обязательно учует, и...

– ...Прибьет меня, – договорила Надя понятно.

– Наденька, ты прелесть! – мне ничего иного не оставалось, кроме как чмокнуть ее в тугую щечку. Девушка удушливо зарделась, выдавая натуру, скромную не по годам, и потупилась.

Я вышел, негромко клацнув дверцей.

– Пока, Надюш!

– Пока... – вытолкнула симпатичная шофериня, и рывочками тронулась с места. Растерялась, бедненькая...

Ничего, будет знать, как играть в бесстыдницу с коварным завлабом!

Обождая, пока рассеется бензиновая гарь, я с удовольствием вдохнул холодный ноябрьский воздух. Он уже не пах прелью, как в листопад, зато витала, витала в нем студеная свежесть предзимья.

Не люблю холод, и ледяные касания снежинок не выношу, но не всё ж осени длиться...

Я длинно вздохнул и вошел в гулкое парадное без оглядок. Раньше было интересно сыграть в «Найди зайчика!» – не выдавая собственного любопытства, угадывать, где затаились прикрепленные. В ротонде? В той заляпанной грязью «Волге», что скромно тулится на углу? Или в доме напротив?

А сейчас привык, и забываю даже о крутых парнишках, сутки напролет охраняющих мою драгоценную тушку.

Глубокомысленно воззрившись на старые деревянные дверцы лифта, я подумал – и шагнул в кабину. Устал.

¹ МНС – младший научный сотрудник.

...Бравые монтажники вторую неделю тянут кабеля и долбят бетонный потолок лаборатории – сопла ускорителя выведут оттуда прямо к громадному кубу камеры. Пришлось из старшего научного сотрудника переквалифицироваться в прорабы, а то напортачат еще...

Хлопать себя по карманам, отыскивая ключи, не пришлось – дверь в квартиру стояла приоткрытой, и сквозь щель надувало сдобным духом, донося невнятные речи.

Я демонстративно захлопнул створку за собой, но реакции не последовало. Ну, понятно... По столовой гулял пронзительный голос Динавицера:

– И чё? Чё я, по-твоему, не обеспечу своего пузатика?

– Ой, Изя! – мигом отозвалась Альбина. – Ну, ты как скажешь...

– Я же любя!

Порхая звонкими нотами, долетел нежный смех Светланы. А Ритку они куда дели?

Тихонько разувшись и повесив куртку, я прокрался в комнату, выглядывая из-за высоких стеклянных дверей.

– Привет! – возопил Изя. – Где твой гиперболоид?

– Сдал в металлолом, – я оглядел гостей, отмечая весьма округлившийся животик Альбины Динавицер, и ухмыльнулся: – Рит, а сколько тут народу собралось, не считая меня? Четверо? Или пятеро?

– Шестеро! – вызвенела Светлана. – Я на втором месяце!

– И ты туда же...

Рита гибко поднялась, чтобы притиснуть меня и ворчливо пожаловаться:

– Вот, уже все – пузатики, даже Светка! Одна я – стройняшка...

– Через три годика! Ладно?

– Через два! – заулыбалась женушка. – М-м?

– Ну, ладно... – сдался я.

– Честно-пречестно?

Долгий поцелуй скрепил договоренность.

– А кормить нас будут? – тревожно осведомился Изя.

– Ой, ну... – возмутилась Альбина. – Ну, просто слов нет!

– А чё я такого сказал? – Динавицер от изумления даже глаза вытарашил.

Рита засмеялась и, чмокнув меня еще разок, торжественно провозгласила:

– Будут! И кормить будут, и поить, и даже тортиком угощать!

Плюхнувшись на диван рядом со Светланой, я осторожно приобнял будущую мамочку.

– Эх, – вздохнул огорченно, – такая талия была! И не жалко?

– Ничего не могла поделать, – улыбнулась Сосницкая, легонько прижимаясь. – Дремучие материнские инстинкты!

– А куда это Тимоша пропала?

Света прыснула в ладошку.

– Дюха говорит, у Зиночки период гнездования! Мы с Машей ей комнатку выделили... Ну, там, на Малой Бронной. Смешно смотреть, как Зинка ковыляет – вся такая гордая, животра впереди колышется... Родит скоро.

Я слушал одноклассницу, и благодушествовал. Самое досадное за весь вечер – наш лукавый торг с Ритой. Зря я ей целый год уступил. Девчонки, как с ума все посходили, наперегонки в роддом кинулись, и она взяла моду...

«Ой, да ладно, – разморено подумалось мне. – Чё, я не обеспечу своего пузатика?»

*Среда, 7 ноября. Позднее утро
Москва, Красная площадь*

Президент СССР и члены Политбюро степенно покинули трибуну Мавзолея, а колонны рассеялись в праздничную толпу. Официальная часть закончилась! Лишь торжественные марши продолжали греметь, эхом отдаваясь от кремлевских стен.

Держа Риту за руку, чтобы не потерялась, я брел вдоль ГУМа, лавируя среди нарядных людей – оживленных, радостных, предвкушавших застолье. За годовщину Октября, да не выпить?

Ноябрьское солнце светило, но не грело, однако на душе было тепло и покойно.

Какой-то год назад я вовсе не был уверен, стоило ли мне учиться на физика. Ладно, там, аспирантура – без нее сложно защитить кандидатскую. А дальше куда? Пристроиться в Физтех и трудолюбиво изображать первооткрывателя графена?

Вспоминать тошно. Зато тепе-ерь...

Я лучезарно улыбнулся, подставляя лицо солнцу.

– И где теперь искать этих чучел? – заворчала Рита, вытягивая шею. – Сказала же: ждите у музея!

– Они ж пузатики...

Почти весь фасад Исторического музея, от шпиля к шпилю, затягивало гигантское панно – «62-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции», а у подножия здания шаталась, мешалась и перемешивалась гуляющая публика.

– Привет, шеф! – из людской кутерьмы вырвалась раздумывавшаяся Темина. – Ой, здрасте!

– Здрасте, здрасте, – подозрительно сощурилась моя половинка, повторяясь, как Маша Зенкова.

– Привет, привет, – сделал я ручкой. – Гуляем?

– Ага! – радостно вылетело из Нади. – Ой, извините... – она суетливо порылась в сумочке, и выпетила радиодфон «ВЭФ». Гаджет сердито звонил, разрывая воздух пронзительной трелью. – Алло? Да... Какие? А-а... Ой, а давайте завтра! Да? М-м... Ну-у... Ладно. Да еду, еду уже! – бросив радик в сумку, девушка кисло поморщилась: – Тоже мне, нашли время!

– С работы звонили? – оказал я внимание.

– Ну, да! Первый отдел лютует. Я, видите ли, какие-то бумаги не сдала после работы! Да куда они денутся из лаборатории? Ой, ну ладно, побегу я!

– Тебе, может, машину вызвать?

– Да не надо, я на своей!

Надя растворилась в толчее, а Рита неодобрительно фыркнула:

– Так и липнет, коза!

– И не говори, – поддакнул я, тая улыбку, – что за молодежь пошла...

– Ой, чуть не забыла! Из-за Надьки этой... Мама твоя звонила, в гости звала. Съездим, может?

– Может, – согласился я.

Тот же день, позже

Зеленоград, площадь Юности

Удивительно... Мама уже год, как переехала в «профессорскую башню», а запахи витают те же, что и на старой квартире – сдобные, уютные и какие-то домашние, что ли. Признаться, я поначалу чувствовал стеснение, бывая здесь в гостях – не привык видеть родительницу в обнимку с Филиппом Георгиевичем.

Но... как-то всё утряслось в душе. Даже Настя, сильно привязанная к папе, спокойно отнеслась к тому, что у нее появился отчим. Главное, что мамульке с ним хорошо, убеждал я сестричку, и Гарина-младшая приняла мою сторону. Вот, и ладушки.

Я облокотился на перила балкона, оглядывая городские просторы. Растет Зелик...
– Лида! – глухо донесся голос Филя. – Помочь?
– Мы сами! – мама вежливо выпроводила «помощника» из кухни.
«Лидия Старос... – подумалось мне. – Звучит куда органичнее, чем Жаклин Онассис!»
Вздрыгнула балконная дверь, пропуская Филиппа.
– Выгнали! – добродушно пожаловался он, и закричал, стыдливо посматривая на меня: –
Лида... Она думает, будто ты у нас редко бываешь из-за Питера... из-за отца.
– Нет-нет, пусть выкинет это из головы! – отмахнулся я мамины подозрения, мотая головой. –
Додумалась... Я помню папу, но без конца переживать... Да ну! Просто работы много. Бывает,
что и на выходных «отдыхаю». Так что... Слушайте, а где Настя?
– Решает задачу трех тел! – хихикнул Старос.
– Так она ж, вроде, рассталась со Славиком? – удивился я, а непокой за личную жизнь
сестренки уже поднимал волну.
– Настя – умница, но ведь и красавица... – рассудил Филипп Георгиевич. – В общем, у
Кости Валиева соперник нарисовался. Высокий, такой, блондин. Журналист, вроде...
– Жопокрутка, – буркнул я. – Извините, вырвалось.
– Руки мы-ыть! – разнеслась команда, и балкон мигом опустел.

* * *

– Миш, добавочки, может?
– Лопну, мам!
– А салатик?
– Ну, давай... Да куда ж ты столько?
– Закусывай, закусывай...
Старос, посмеиваясь, долил мне винца из графина, где оно «дышало». Густое, сладкое,
хоть и терпкое... Хорошо пошло!
– В Сухуми брали, – похвастался Филипп Григорьевич, гордо приглаживая усы. – Десять
рублей банка, а в ней три литра! Домашнее, прямо из подземного кувшина черпали...
– Ну, да, – хмыкнула Рита, – чего б тем горцам по сто лет не жить!
– А хачапури помнишь? – мама раскраснелась, оживленная и будто помолодевшая. Да и
с чего бы ей стариться? Сорока еще нет. Вон – в зрачках блеск, на щеках ямочки...
– Wow... – закатил глаза Старос. – Нет, нет, лучше так: «Вах!»
Я рассмеялся, хмельной, да на релаксе, и тут, как назло, закурылся мой радиодинамик. Тоже
«ВЭФ», как у Нади – их нам на работе выдали. А Рите на день рождения я подарил наворо-
ченную чешскую «Теслу»... О чем бишь я?
– Не отвечай! – воскликнула Рита, расшалившись. – Ну их!
– Как тебе не ай-я-яй... – пожурил я «спутницу осени серой». – М-м... Алло-о?
– Иванов беспокоит, – захолодил ухо напряженный голос генерал-лейтенанта. – Вам надо
срочно подъехать, Михаил.
– Э-э... – стал я соображать. – Борис Семенович, я тут... как бы выпивши...
– Тут – это где?
– В Зеленограде...
– Тогда спускайтесь потихоньку, за вами заедут.
– Понял.
Сунув радику в куртку, натянул ее, путаясь в рукавах.
– Ты уходишь? – огорчилась Рита.
– Все равно в меня больше не влезет! – отшутился я, зашнуровывая кроссовки.

Дверь распахнулась, и в прихожую влетела Настя, словно заноса с собой вихрь неясных томлений и жарких соблазнов, амурных шараханий, желаний, влечений... Деятнадцатый годик пошел малышке.

Забавно вчуже наблюдать, как хорошенькая выпускница превращается в молоденькую стерву, то надменную, то капризную красотку.

– Мишечка! Привет! – сестричка повисла на моей шее, болтая ногами. Поцеловала, и отпустила: – А ты куда собрался?

– На работу! – трагическим голосом сообщила Рита из зала. – Представляешь?

– Беги, Миша! – хихикнула Настя. – Я задержу этих алкоголиков, хулиганов, тунеядцев!

Чмокнув «стервочку» в подставленные губки, я решил утрясти съеденное с выпитым – спустился по лестнице, кружа по гулким пролетам. Витавший во мне винный дух улетучивался, замещаясь тревогой – она росла, и холодила рассудок.

Тот же день, позже

Московская область, окрестности объекта «В», п/я № 1410

«Волга» с мощным двигателем от «Чайки» легко выдавала на шоссе хоть двести в час, но бесстрастный парень в штатском, сидевший за рулем, дисциплинированно «тащился» на ста тридцати.

Не доезжая до «ящика», он и вовсе сбросил скорость. Здесь дорога загибалась плавной дугой, стелясь между могучих елей, тянущих лапы над обочиной.

– Борис Семенович сказал, что нас встретят, – неожиданно заговорил водитель, отмахивая пышный русский чуб. – Ага-а...

Впереди, у съезда на грунтовку, махал шапкой гаишник в форменной тужурке. Чубатый затормозил, и милиционер подбежал грузной трусой.

– Метров сто! – крикнул он. – Там увидите!

«Дублерка» скатилась, шурша редкой щебенкой на склоне, и валко закачалась в травянистой колее.

– Это старая дорога к дачам, – отрывисто сообщил шофер. – Сейчас-то они у заправки съезжают...

Он смолк, выруливая на обширный лужок, спадавший к оврагу. Неподалеку замер милицейский «луноход» – обычный «уазик», только с крепким верхом, выкрашенным в канаречно-желтый цвет и обведенным синей полосой. «Волга» с парой штыревых антенн выдавала присутствие чекистов, а у травянистого обрыва ревел движком «сто тридцатый»,² медленно выволакивая помятый «Жигуль» – натянутый трос дрожит, а разбитый задок малолитражки пускает копотные дымки. Обмирая, я узнал Надину машину.

«Не дай бог...»

Эксперты с оперативниками занимались своими скучными, пугающими делами – расхаживали, крадучись, вороша космы жухлой прошлогодней травы, спутанной с зеленой муравой, мигали слепящими фотовспышками, а с краю всей этой неспешной кутерьмы пыжилась «буханка» скорой помощи.

Туда я и направился, чувствуя, что поступь не тверда. Сердце бухало, а холодок в душе смерзался в тошнотворную ледышку.

Она была здесь, Надя Темина, «молоденький няшный сотрудник». Лежала на носилках, вытянув длинные ноги. Маленькая грудь едва округляла тонкую ткань блузки, проступая набухшими сосками, но девушке не было стыдно, и она не мерзла – широко распахнутые голубые глаза недвижимо отражали небо.

² «Зил»-130.

– Перелом шейных позвонков, – негромко прозвучал голос Иванова, усталый и, как мне показалось, безучастный.

– Как это случилось? – шевельнул я губами, снова и снова оглядывая Надю.

Когда гибнет мужчина, с этим смиряешься – судьба такая у воинов и охотников. Но мертвая девушка – это слишком жестоко.

Рядом со мной остановился парень в овчинном полушубке, накинутом на плечи.

– Капитан Савельев, – представился он.

Стягивая тонкие резиновые перчатки, опер зачистил – уверенно, с налетом того профессионального снисхождения, что всегда бесило меня:

– Смерть наступила после полудня. Девушка ввела себе дозу морфия – следы трех недавних уколов находятся на локтевом сгибе левой руки, а шприц с отпечатками пальцев Теминой найден на коврик под водительским сиденьем. Здесь небольшой уклон, а машина не стояла на ручнике, вот и съехала задом к оврагу. Сорвалась, врезалась багажником... Темину так приложило к спинке сиденья, что она сломала шею. В общем, всё выглядит очень натурально, однако есть и странности.

Злость накаляла меня, но я сдержался, выцедив:

– Какие?

– Следы каблучков на дороге. Девушка зачем-то выходила, топталась... Причем, ее дубленка лежала на заднем сиденье. И еще, – «следак» повернулся к лесу. – Вон там обнаружены свежие отпечатки шин «Волги», и много окурков. Курили двое. Возможно, эта парочка и передала ампулы Теминой – пять штук лежало в бардачке «Жигулей», отпечатки стерты. И еще. В четверть второго неизвестный позвонил из Нижних Дубков по радиотелефону девушки, сообщив об аварии. Судя по всему, кто-то здесь побывал до нас, не шибко отягощенный приличиями, и спер сумочку погибшей...

– Могу добавить странностей в вашу копилку, – усмехнулся я. – Мы с женой встретили Надю в Москве после парада, и тогда ей как раз позвонили. Якобы наши особисты вызвали на работу...

– Нет! – Иванов возник в поле моего зрения. – Никто из первого отдела Теминой не звонил – все исходящие и входящие записываются!

– Значит, звонили убийцы! – отрезал я, и раздраженно пожал плечами. – Поймите, это полнейшая, дичайшая чушь – считать Надю морфинисткой! У наркоманов все руки и ноги обколоты! А здесь? Кстати... Она так и сидела за рулем? Без дубленки?

– Сам удивился, – Савельев потер подбородок. – Холодно же...

– Синяков на теле нет? Ее не насиловали?

– Никаких следов, – оперативник поиграл желваками, и вытолкнул, пряча злость: – Медэксперт доложил, что Темина умерла девственницей.

Мы помолчали, каждый думая о своем.

– И вот еще какая деталь, – сказал я, смягчаясь. – Не всё так натурально, как кажется. Надя – левша. Сделать себе укол в правую руку она, наверное, смогла бы, но в левую – извините.

Савельев переглянулся с Ивановым.

– Значит, кто-то другой ввел морфия... – медленно проговорил Борис Семенович. – Не хреново девки пляшут... по четыре сразу в ряд!

– Если это вообще был наркотик! – резко сказал я. – Могли и спецпрепарат вколоть – для развязывания языков у молчуний! Надя выболтала все секреты, которые знала, и ее убрали. Как вам такая версия?

– Она мне очень не нравится, – поугрюмел генерал-лейтенант. – Очень...

– Образец крови Теминой мы отправили на анализ... – проямлил капитан Савельев.

Я лишь шумно выдохнул.

Мой взгляд шарил по искореженному задку «Жигулей», по сине-белому «ЗиЛу», но всякий раз возвращался к Наде. К телу Нади. Мертвому телу.

«Жертвы имеют право на справедливость», – мелькнуло в голове. Да, имеют...

– Михаил! – окликнул меня Иванов, будто почуяв настрой. – Только без самодеятельности! Ладно?

– Ладно! – легко пообещал я, скрестив пальцы в кармане.

Вечер того же дня

Москва, улица Строителей

На работу я уже не заезжал – гибель Наденьки взбаламутила покой, подняв из нутряных глубин все прежние волнения и полузабытые страхи.

Домой я вернулся затемно. Шагнул с холода в согретую прихожую, где бра разливали желтый уютный свет, и молча разделся.

Рита вышла меня встречать в пушистом халатике и мохнатых тапках, что расшивались в далеких чумах или ярангах. Губки надуты, в глазах посверкивают колючие огоньки...

Раздражение унялось не без труда.

– Ты был с ней? – в Ритином голосе обычная ревнивая обида мешалась с отчужденностью. – С этой... Надей?

– Надю убили, – холодно обронил я.

– К-как... Убили?!

Жена охнула, пряча лицо в ладонях, словно удерживая розовое тепло щек, но бледность одолевала. Лишь черные глаза в опуши ресниц таращились на меня, набухая жгучей влагой.

– А я... – еле выдавила Рита, жалко кривясь. – А она...

Я обнял ее, и царственные плечи затряслись, как у всякой горящей девчонки. Слова утешения негодились, да и не хотелось мне ворковать. Слишком уж тошно.

Это пройдет, я знал. Всё проходит. Но забыть себе не позволю.

Надю я им не прошу. Кому – им? Знать бы... Узнаю.

Мысли, рваные и нервные, крутились в голове, как снежинки в том сувенире из детства. Встряхнешь стекляшку, блески взвихрятся – и оседают на крышу игрушечного домика...

Всхлипнув, девушка с надрывом молвила:

– Начинается...

– Продолжается, – неласково усмехнулся я, и покрепче притиснул Риту.

Глава 3

Глава 3.

Четверг, 8 ноября. День

Москва, улица Мосфильмовская

Иванов выбрался из «дублерки», обронив:

– Жди здесь или отъедь подальше.

– Хорошо, товарищ генерал-лейтенант...

«Волга» мягко тронулась, и приткнулась в хвост «Колхиде», тащившей на горбу серебристый полуприцеп «Алка».

Борис Семенович проводил машину глазами. Голые деревья с черной путаницей ветвей навевали унынье, зато на каждом столбе полоскали красные флажки, не убранные с праздника. Они задорно и дерзко алели, бросая вызов хмурым небесам.

Генерал-лейтенант госбезопасности, замначальника ПГУ, начальник Управления «С» и прочая, и прочая, и прочая, вздохнул, словно заряжаясь от красного державного трепетанья, и пошагал к подъезду. Не царское это, конечно, дело, с агентами встречаться, но бывают особые случаи...

Нужное ему конспиративное жилье располагалось на третьем этаже и было оформлено на человека, в реале не существующего. Может, потому конспиративные квартиры и прозвали «кукушками»? У кукушек ведь нет своих гнезд...

«Ну, и где логика?»

Занятый подобными мыслями, Иванов поднялся на этаж и отпер дверь. Сюда обычно «приглашали в гости» завербованных преподав МГУ, УДН или МГИМО. Может, от них остался этот малоприятный кисловатый запах? Генлейт поморщился: потеет интеллигенция...

Раздумывая о судьбах прослойки, он прошествовал на кухню, и звякнул джезвой. Агент «Лилит» уважает кофеек...

Плеснем водички... Отстоянной по бабкиным рецептам, чтоб хлорка выдохлась... Доведем до кипения... Ну, грейся пока.

Кофемолка с воем сгрызла порцию обжаренных, пахучих зерен. А вот и водичка вздумала закипать...

Иванов щедро сыпанул коричневый порошок в сереющую воду. Подварить чуток... Но не переборщить. Кажется, всё... Всё!

«Остывай...»

Скрипнула дверь. Послышались осторожные шаги.

– Есть кто? – окликнул девичий голос.

– А как же! – бодро отозвался генерал-лейтенант. – Проходите, Светлана, я вам как раз кофию состряпал. Извольте отведать!

– Спасибо! – Шевелёва, не разуваясь, вошла на кухню. – Наконец-то, домашний запах... – проворчала она.

– Вы тоже заметили, да? – оживился Иванов. – Кислятиной какой-то тянуло! Угощайтесь. Где-то тут печенье лежало, если не съели... Вот!

Присев, девушка отпила из маленькой чашечки, и довольно кивнула.

– У вас, Борис Семенович, всё лучше и лучше получается! М-м... Вы лучше спрашивайте, а я отвечу.

– Годится, – кивнул генлейт, сразу вспомнив Андропова, и оседлал древний венский стул. – Что показал томограф? Миша ничего не заподозрил... такого?

– Нет, – качнула Света головой, и сделала глоток, смакуя. – Я позвала Мишу, чтобы он помог освоить МРТ, а техника и вправду сложная. Мы исследовали весь наш эгрегор, за исключением Насти – метакортекс, излучающий психогенную энергию, у нее так и не образовался. А с девчонками я держалась легенды – дескать, надо бы исследовать, как развивается плод. Ну, с этим всё в порядке, а вот энергия... Метакортекс у девушек... м-м... усох, что ли. Скукожился, и поле стало очень слабым, как у всех. Даже у Наташи, ментальные способности которой – врожденные. Я связываю это с беременностью...

– А Миша? – хищно прищурился Борис Семенович.

– Мишу я сманила за компанию, – улыбнулась Шевелёва. – Но... Сложно проследить динамику. Единственный раз Миша проходил томографию год назад по направлению КГБ. И, если сравнивать, то его метакортекс тоже уменьшился. Но это как раз объяснимо. Ведь прошлогоднего пика так называемой «Силы» Миша достиг искусственным путем, поглощая насильно или принимая по согласию чужую энергию. А это... Знаете, есть подходящее сравнение – культуристы. С помощью всяких анаболиков они накачивают мышцы до такой степени, что, кажется, вот-вот кожа треснет! Но стоит этим «дутым» силачам бросить тренировки, как мускулы сдуваются. Так и с Мишей. Да и с нами, со всеми. Поэтому ни ридеризма, ни телекинеза, ни даже гипноза от нас не ждите. Цирк уехал.

– Понятно... – медленно проговорил Иванов. – Понятно... А Рита? Ведь она, насколько мне известно, не беременна?

– Всё-то вы знаете... – кривовато усмехнулась Светлана.

– Служба такая, – развел руками Борис Семенович, как бы шутя, но глаза его оставались внимательными и цепкими.

– Да, метакортекс у Риты больше, чем у любой из нас, но... Еще летом, когда мы выезжали в Крым, она призналась, что больше не читает Мишины мысли, даже когда муж... э-э... совсем рядом. И это правда. По крайней мере, одну способность мы сохранили – чувствовать психосущность. Разбираться в характере... Чувствовать, исходит ли опасность... Ощущать, лжет человек или говорит искренне.

– Понятно... Ладно. Спасибо вам большое, и... – Иванов немного затруднился. – Большая просьба, Светлана. Немедленно сообщайте мне, если заметите в Мишином окружении подозрительных... м-м... да и вообще, новых, незнакомых людей. Или он сам что-нибудь болтнет, или... В общем, любую странность интерпретируйте, как угрозу!

– Мише что-то угрожает? – в девичьем голосе отозвалась тревога.

– Да я пока и сам не знаю, – честно ответил генлейт. – Но лучше будем начеку.

– Будем, – согласилась агент «Лилит», и допила кофе.

Пятница, 9 ноября. Утро

Московская область, объект «В», п/я 1410

Я приближался к месту моей работы. Вокруг, почтительно отступив от дороги, зеленел лес, суровая еловая темь. Солнце трогало лишь верхушки, не касаясь земли, устланной ржавой хвоей, и ночной холод держался понизу до самого вечера.

«Ижик» бодро урчал, вписываясь в поворот, а вот моему настроению был конгруэнтен сырой полумрак ельника.

Иванов, правда, обещал на сегодня «серьезные подвижки в расследовании». Мол, «развиднелось кое-что». А толку?

Попади Надя в больницу, избитая и покалеченная, меня бы грело чаяние прищемить яйца ее обидчикам, но «молоденький няшный сотрудник» угодил на холодный, оцинкованный стол патологоанатома...

Лес поредел, отходя, да редая, и впереди нарисовался полосатый шлагбаум. Ага... Генерал-лейтенант напряг-таки группу режима – у дежурного офицера сбоку обвисала потертая кобура с тускло блестящим пистолетом, а на заднем плане реял молчаливый сержант, своей мозолистой рукой оттягивая ремень «калаша», закинутого на могутное плечо. Повышенная боевая готовность.

– Проезжайте, товарищ Гарин, – постовой с васильковыми просветами на погонах лихо козырнул, возвращая пропуск, и красно-белая стрела качнулась вверх, словно тоже отдавая честь.

«Иж» надменно фыркнул, и проследовал ко второму посту у ворот в высокой бетонной стене. Внешний периметр секретного института и впрямь напоминал крепостную стену рыцарского замка, даже угловые башни имелись – за их парапетами прятались спаренные зенитные пушечки, стыдливо прикрытые брезентом.

В хрущевские времена фортеция сия тоже укрывала нечто совсекретное, то ли космическое, то ли лазерное. Я еще застал расконсервацию объекта – облупленный серый бетон в потеках, по углам пушится селитряный «иней», запретная зона заросла неряшливыми кустами, а подъездная дорога укатана хрустящим гравием...

Эксплуатационники живо навели порядок – в холодных и пыльных бункерах повеяло теплом, изгоняя сырость. Молодые голоса, загулявшие по мрачным коридорам, распугали призраков, и даже надоевшее тарактенье ДЭС стихло к лету – с новенькой, крашенной серебрином опоры ЛЭП перекинулись низко гудящие провода...

Пройдя второй пост охраны, я оставил машину на стоянке, и двинулся к проходной. Сегодня дежурил Макарыч, седоусый крепенький дед, старый партизан.

– Здравия желаю, Михаил Петрович, – уважительно поздоровался он.

– И вам того же, Василий Макарович, – наклонил я голову.

Турникет щелкнул, пропуская, и бравый вахтер вручил мнеменной талон. – Борис Семенович не объявлялся?

– Никак нет. Звонил, обещал быть.

Кивнув, я пересек маленький дворик. Главное здание глыбилось прямо передо мной, выглядывая над стенами тяжеловесной бетонной призмой, как башня-донжон.

У него плоская крыша, приспособленная для посадки вертолета. Летом там вповалку лежат научные сотрудники, и загорают, не разбирая чинов и званий. А вот зимой никого из них не допросишься подняться наверх, чтобы сгрести снег – сразу всем некогда, все загружены от и до...

Я толкнул дверь первого отдела, и вошел. Из-за стола «не по росту» с пыхтением вылез огромный особист, до того накачанный, что тело, бугрящееся мышцами, обрело бесформенный вид.

– Салфет вашей милости! – рокотнул он.

– Красота вашей чести, – сделал я ручкой.

– Держите, – мускулистые руки выставили небольшой стальной короб с кодовым замком. – Распишитесь.

Поставив свою закорючку, я подхватил тару и понес к себе в лабораторию.

Это был обширный зал с высоким потолком, а настрой на серьезную работу задавала входная дверь – металлическая, тяжелая, как в доте, подвешенная на массивных петлях. Нащелкав код, я переступил не обычный порог, а залючину-комингс, и выбрался на узкую галерею с балюстрадой из нержавейки.

Мое рабочее место. Моя пещера для ретритов и прочих бдений.

Уровнем ниже стояли в рядок белые шкафы МВК «Коминтерн-3». Многопроцессорный вычислительный комплекс – так в СССР называли суперкомпьютеры. Рядом вяло мигал инди-

каторами пульт, в сторонке кучковались столы, стеллажи, пара диванов и заморенный фикус в кадке, а посередине дыбился громадный куб лабораторной камеры.

Сверху и снизу ее закольцевали наплывы могучих составных магнитов – их секции можно было сдвигать по-разному, образуя поле нужной конфигурации. Спереди тускло блестела прозрачная панель со встроенными манипуляторами – суставчатые «руки» бессильно повисли, видимые, как тени, по ту сторону двойного толстого стекла, бликовавшего на свету.

Позади, впритык к стене, громоздился технический отсек – к нему сходились, сплетались вязанки кольчатых кабелей, а сверху...

Я задрал голову. Из аккуратных дыр в потолке высовывались ребристые сопла ускорителя, отделанные сверкающим цирконием, глухо доносились отрывистые лексемы монтажников и звонкие медные удары. Work must go on...

Я сошел по пандусу, задев коробом коротко гуднувшие перила. Отпустил матерок, и раздраженно вскрыл кейс, набрав личный шифр. Бумаги «Для служебного пользования» швырнул на стол, а стопку чистых листов с грифом «Совершенно секретно» покачал в руке, словно взвешивая, и подчеркнуто спокойно уложил обратно в коробушку.

Ничего я сегодня писать и рассчитывать не буду. Настроения нет.

Тут дверь издала писк, открываясь.

«Зря не заблокировал!» – сумрачно подумалось мне.

Высокий комингс переступил Иванов. Оглянувшись, и заценил:

– Просторно тут у вас... – спускаясь по пандусу, он добавил другим тоном, пристально взглядывая на меня: – Ваша версия, Миша, оказалась верной. В крови Теминой обнаружены следы СП-36. Возможно, эйфория от дозы морфия наложилась на действие «болтунчика». Мда... Насколько девушка была посвящена в секретную тему?

– Ни насколько, – буркнул я. – «В теме» только двое – я и Дим Димыч... Директор. Что Надя могла рассказать? Про тахионный излучатель? Так она видела его раза два, от силы. А что там, под кожухами и панелями? Откуда ей знать? Надя нужна была мне, как помощница – подай, принеси, сравни конфигурацию поля с расчетной...

– Понятно... – вздохнул Борис Семенович, поправляя очки. – Следствие, кстати, продвинулось. Местный участковый оказался настоящим деревенским детективом! Нашел в ельнике сумочку Теминой. Паспорт на месте, карточка Госбанка, пропуск... Один лишь радиотелефон пропал. Дали этому Анискину прослушать запись звонка, так он по голосу вычислил «доброжелателя»! Некого Игоря Ивановича, пенсионера-маргинала. Отсидел по «хулиганке», а потом сменил десятки мест работы, нигде не задерживаясь дольше двух-трех месяцев. Зато всю страну объездил, от Камчатки до Кавказа, от Таймыра до Памира... Его сюда везут – думаю, вам будет интересно попристутствовать. Я прав?

– На все сто!

* * *

Игорь Иванович оказался плюгавеньким мужичком, давно не посещавшим баню и парикмахерскую. Вертясь на стуле, чтобы видеть и особиста, и генерал-лейтенанта, он с жаром повествовал голосом сиплым, но не испитым:

– Я вам не бомж какой, и не алкаш! Ежели и выпью, то в субботу. В воскресенье поправлю здоровье, и всё – готов к труду и обороне!

Тут отворилась дверь, и вошел наш технический директор.

– Етта... – начал он. – Миш, накопители завтра будут, я договорился.

– Заходи, Ромуальдыч, – сказал я скучным голосом. – Это тот... э-э... гражданин, что сообщил о Наде.

– Ага... – вытолкнул Вайткус, и улыбнулся очень неласково. Как людоед коту в сапогах.

Игорь Иванович сразу ощутил уют.

– Да чё я, чё я-то! – затараторил он, подбирая ноги под стул, а голову втягивая в плечи. – Я ничё!

– Как вы оказались на старой дороге? – спокойно спросил Иванов.

– А, ну, как всегда! – взбодрился мужчинка. – Я через день по шоссе хожу – много же невоспитанных ездит, бутылки в окошко выбрасывают. А я подбираю! За чистотой слежу. Вот и в тот день три пивные нашёл. А как свернул на старую, гляжу – машина стоит. «Волга» цвету такого... майонезного! И два мужика курят. Один такой блондинистый, высокий, другой пониже, но пошире, чернявый, на грузина похож. А я, знаете, людям особо не доверяю, ну и решил их лесом обойти. На фронте-то в разведроту служил, навык есть. Пройду рядом – не услышишь... И тут – здасьте! – ещё одна машина! «Жигули» нарисовались, и тоже парочка... Ну, внутри. Девка за рулем, а мужик рядом. Плотный такой, здоровый. Чё-то они там зашпорили... он девку как турнет из машины! И тут эти двое, что у «Волги» курили, сразу подбегают, хватают... шофериху, та верещит... А этот... который высокий блондин, прямо из кармана шприц достает. Вверх брызнул с иглы, и девке вколол... Сюда, – он показал на сгиб левой руки. – Я думал, они ее... того... насильничать решили, а они стоят только и слушают, что девка болтает. А та языком чешет, как заведенная!

– Что она говорила, слышали? – не выдержал я.

– Не, далеко было, – потрянул Игорь Иванович нематыми сосульками волос. – По губам тоже не прочитать – мужики ко мне спиной, и девку загораживают. Два слова только разобрал – «ускоритель» и... «трахион» какой-то...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.